УДК 811.111.8

ГИБРИДИЗАЦИЯ ЯЗЫКА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА БИСЛАМА)

© С. С. Калинин*

Кемеровский государственный университет
Россия, Кемеровская обл., 650000 г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Тел.: +7 (3842) 58 27 45.

*Email: rage_of_gods@inbox.ru

В статье описывается один из малоизученных креольских языков Океании – язык бислама, распространенный на островах Вануату. Бислама представляет собой особую форму гибридного языка, имеющего в основе океанийскую (австронезийскую) грамматику и англо-французский лексикон. В работе анализируется процесс сложения, гибридизации и развития этого языка в терминах теории лингвистических и культурных трансферов. Помимо этого, для анализа используются методы и принципы грамматики конструкций (одно из направлений языкознания, возникших в рамках когнитивной парадигмы), при этом в качестве конструкций избираются разнообразные грамматические и лексические паттерны и структуры языка бислама. Ряд выводов данной работы делается при помощи использования методов и принципов теории лексической аттракции, более точно, переноса ее идей в область исследования грамматической семантики. На примерах демонстрируются новые явления, сложившиеся в течение эволюции в данном языке.

Ключевые слова: язык бислама, австронезийские языки, океанийские языки, гибридизация, креолизация, креольские языки с англоязычной основой, трансфер знака, трансфер информации, грамматика конструкций, теория лексико-грамматической аттракции.

Согласно основным положениям эволюционно-синтетической теории языка, предложенной А. Д. Кошелевым, в основе всех существующих мировых языков лежит универсальная перцептивная модель [9, с. 107]. Причиной этому служит тот факт, как отмечает Г. Дойчер (G. Deutscher), что в психофизиологическом плане (т.е. при помощи органов чувств) люди мир воспринимают в общем и в целом одинаково [5, с. 18–19; 30–32]. Таким образом, Г. Дойчер отрицает крайний лингвистический и гносеологический релятивизм Б. Уорфа (B. Whorf) [5, с. 33–34] и вместо этого в своих работах (например, работе [5]) руководствуется более реалистичными положениями.

С общелингвистической и лингвофилософской точек зрения представляет собой интерес процесс зарождения и формирования пиджинов, креольских и гибридных языков. Когнитивной основой этого процесса, по А. Д. Кошелеву, могут быть как универсальная перцептивная модель, лежащая в основе процесса языковой перцепции, так и универсальная сенсорная структура (которую можно соотнести с набором семантических примитивов) и этноспецифичная функциональная структура языка [9, с. 15–16; 106–107]. Действительно, как постулирует Г. Дойчер, вводя т.н. принцип Якобсона-Боаса [5, с. 193–195], в языке важным является не сколько те феномены, которые выражаются более или менее регулярно, как на грамматическом, так и на лексико-семантическом уровнях, а те элементы языковой системы, которые облигаторны. Иными словами, о них можно сказать, что они не могут не быть выражены, они выражаются всегда. Простейший пример реализации принципа Якобсона-Боаса можно найти

в современных германских языках, анализируя такие морфологические элементы системы германских языков как определенный и неопределенный артикли. Известно, что их употребление в современном английском и немецком языках подчиняется ряду сложных, иногда взаимоисключающих правил. Между тем, в немецком языке артикль зарождается только в средневерхнемецкую эпоху (более подробно, см. работу В. М. Жирмунского [8, с. 241–243]), в древневерхнемецком период развития эта часть речи в языке еще не наличествовала. Генетически она восходит к указательным и определительным местоимениям [8, с. 241–242], грамматикализация которых произошла из-за регулярно препозиционного употребления рядом с именами.

Из данного достаточно простого примера становится понятным, что ряд грамматических категорий выражается в языке общеобязательно, в то время, как ряд других может быть факультативен, быть криптотипом или вообще отсутствовать, либо выражаться нерасчлененно с другими категориями. Ниже, на примерах из анализируемого нами креольского языка, мы увидим, в чем проявляется эта нерасчлененность.

Рассмотрим теперь некоторые понятия, связанные с вопросом о возникновении и становлении гибридных и креольских языков. Прежде всего, определим пиджинизацию языков как сложный социолингвистический процесс сокращения коммуникативных функций пиджинизирующегося языка и использования этого языка в качестве средства вспомогательного общения, не являющихся родным ни для одного из участвующих в коммуникации языковых коллективов [6, с. 8]. М. В. Дьячков

обозначает язык, подвергающийся пиджинизации, как язык-источник, а входящий с ним в контакт – как язык-субстрат [6, с. 8]. Схожим смыслом обладает и понятие языка-акцептора у Б. А. Серебренникова, близкое к понятию языка-субстрата [14, с. 87].

В случае, когда пиджин расширяет свои коммуникативные функции и расширяет свою структуру, то говорят о становлении расширенного пиджина [6, с. 9]. При нативизации, дальнейшем развитии структуры и функционала расширенного пиджина можно говорить уже о развитии креольского языка [6, с. 9]. К. А. Шишигиным выделяется и рассматривается также процесс гибридизации языков, который связан с нативизацией этого языка для второго коллектива носителей, развитием самого гибридного языка в ситуации полилингвизма и определенного влияния со стороны языков, с которыми гибридный язык контактирует в течение своей истории [16, с. 9–10]. Как пишет тот же автор, гибридные языки возникают чаще всего в адстратной ситуации языкового контактирования [16, с. 15–16]. При этом выделяется исходный язык – язык-основа, подвергающийся гибридизации и языки-доноры, контактирующие с ним [16, с. 10].

Единицами анализа в рамках данного исследования служат конструкции, понимаемые в смысле грамматики конструкций (см. полное определение конструкции в [15, с. 270]), причем, исходя из положения о трех уровнях конструкции и том, что конструкция является двусторонним знаком, мы рассматриваем в основном морфологический и синтаксический уровни конструкций, время от времени обращаясь к лексическому. Кроме того, в плане выражения (форме) конструкции [15, с. 271] мы будем рассматривать фонетику, фонологию и частично просодику, поскольку этот комплекс признаков формы конструкции важен для полного анализа строения конструкции [15, с. 271], а, исходя из определения конструкции, ее форма и содержание тесно взаимосвязаны. По отношению к конструкциям единицами более высокого уровня являются языковые паттерны, которые имеют абстрактную природу [3, с. 91]. Паттерны могут существовать на всех уровнях языка: лексическом, грамматическом [3, с. 91], – вплоть до фонологического.

Язык бислама, анализу которого посвящена данная статья, распространен на Вануату (как сообщает М. Т. Дьячок [7]). Это гибридный креольский язык. Мы определяем его таким образом потому, что в настоящее время бислама функционирует как литературный язык, в частности, имеется полный перевод Библии на этот язык, составлены грамматики, словари и учебники этого языка, также этот язык представлен в сети «интернет», вводится его преподавание в средней школе, он является национальным языком государства Вануату, в то же время обладает региональными вариантами, этот язык функционирует в ситуации многоязычия, в частности, конкурируя с неомеланезийским (бо-

лее подробно социолингвистическая характеристика бислама представлена в [7]). В нем можно провести четкую границу языков-доноров лексической системы и языков-доноров грамматической системы (или языков-основ, в терминологии К. А. Шишигина, поскольку термин «язык-донор» используется им несколько в ином смысле). В данном случае донорами или основами для формирования лексической системы были английский, французский языки, в меньшей степени – местные океанийские (австронезийские) языки (более подробно см. [17–18]). В то же время, по замечанию М. Т. Дьячка, грамматический строй бислама близок к «океанийскому», т.е. агглютинативно-аналитическому типу [7] (поскольку здесь донорами либо основой стали австронезийские языки), с высокой тенденцией к изоляции, что в дальнейшем будет показано на примерах. Следует отметить также замечание М. В. Дьячкова, что пиджины обладают редуцированной грамматической структурой изолирующего типа, а структура креольского языка и расширенного пиджина преимущественно агглютинативная [6, с. 8–9].

В процессе креолизации языка протекают два взаимозависимых и взаимодополняющих процесса – трансфер знака и трансфер знаний (информации), которые были выделены по отношению к языковым и культурным процессам В. З. Демьяновым [4, с. 61]. Он отмечает, что трансфер знака представляет собой перенос знака из одной знаковой системы в другую с преобразованием его «потенциала формы и функции» в другой знак в новой системе, системе-акцепторе [4, с. 61]. Трансфер знаний же или трансфер информации представляет собой перенос знаний, сведений, общежитийских представлений из одной информационной системы в другую [4, с. 61–62]. В этом отношении примечателен тот факт, что при образовании языка бислама многие обозначения местных культурных реалий были заимствованы именно из океанийских языков (см. [17]), что еще раз подчеркивает важность местного, океанийского субстрата для формирования данного креольского языка [7].

Следует отметить и тот факт, что, согласно теории «языкового организма» (Sprachorganismus) Й. Л. Вайсгербера (J. L. Weisgerber) [2, с. 49], языковые организмы языков коренного населения Вануату и индоевропейских языков, оказавших влияние на формирование бислама, при том, что они не являются генетически родственными, с типологической точки зрения весьма схожи, следовательно, определенной схожестью обладают и их языковые организмы. Отметим тот факт, что гибридизацию этих языков можно представить в виде «гибридизации» или «скрещивания» их языковых организмов с появлением принципиально нового языкового организма как продукта этой гибридизации. Таким образом, языковую гибридизацию как одну из форм трансфера можно представить в виде гибридизации соответствующих языковых организмов (о гибриди-

зации как форме трансфера упоминал еще У. Вайнрайх (U. Weinreich) в работе [19, с. 29–47]).

Фонетико-фонологическое устройство языка бислама достаточно просто и отражает фонологию, типичную для австронезийских языков, о чем сообщает М. Т. Дьячок [7]. Вокализм насчитывает 5 основных фонем [7]. Консонантная система данного языка (всего 18 фонем) также не отличается сложностью: в ней есть бинарные оппозиции смычных и фрикативных по глухости – звонкости, имеется одна аффриката, два глайда, несколько сонорных [7]. В целом консонантизм и вокализм выглядят заметно упрощенным по сравнению с английским и французским языками. Так, полностью утрачены назализованные гласные французского языка, утрачены межзубные спиранты английского языка, фонема [г] произносится переднеязычно, в отличие от увулярного французского варианта произношения или ретрофлексного английского. В целом можем видеть, что в процессе трансфера знаков (фонем одного – «европейского» – типа в систему языка океанийского типа) одни знаки вовсе исчезли из системы, другие заметно упростили свою форму и функцию: ср., англ. *Mathew* с межзубным спирантом – бислама *Matuu* с дентальным смычным (обе лексемы являются антропонимами). Некоторые корреляции (например, назальность в вокализме) вовсе не являются существенными для этого гибридного языка и в процессе его становления и эволюции исчезли полностью из его системы.

На месте исчезнувших явлений, имевших когда-то место в системах языка-донора, в процессе языковой эволюции возникают новые явления. Так, в работе М. Т. Дьячка сообщается о возможном наличии тональных противопоставлений в бислама [7], которое, вероятно, пришло на смену «старому» ударению европейских языков динамического типа. Если это наблюдение верно, то перед нами одно из нетипичных для австронезийских языков фонологических преобразований, поскольку в этих языках, по замечанию В. И. Беликова и Ю. Сирка [1, с. 13], тоновые оппозиции встречаются редко, в части из них представлено фонологическое ударение [1, с. 13]. Такой вектор эволюции характерен, скорее, для языков Юго-Восточной Азии, в частности, для представителей сино-тибетской языковой семьи. Как отмечает И. И. Пейрос [11, с. 169], фонологически значимые тоны имеются в подавляющем большинстве современных сино-тибетских языков, их можно возвести к ряду сегментных единиц сино-тибетского праязыка [11, с. 179], в то же время И. И. Пейрос не исключает полностью тональный характер сино-тибетского праязыка [11, с. 179]. Подобная же ситуация реконструируется и для паратайского праязыка, в котором имелись три фонологически значимых прототона, однако в определенных позициях происходила их нейтрализация [11, с. 182].

М. Т. Дьячок отмечает наличие сингармонизма в бислама [7]. В качестве примера сингармонизма, можно привести следующую парадигму образования транзитивных глаголов в данном языке [7]:

bon 'гореть' – *bonem* 'жечь (что-л.)',

но:

gid 'читать' – *gidim* 'читать (что-л.)'

kuk 'варить' – *kukum* 'варить (что-л.)'.

Обращает на себя внимание тот факт [7], что гласные переднего и заднего рядов верхнего подъема требуют после себя такой же гласный в транзитивайзере *-im*, *-um*, однако гласные среднего и нижнего подъёмов получают в качестве транзитивайзера нейтрально маркированный аффикс *-em*.

Таким образом, информационная система формирующегося языка-акцептора в процессе гибридации, а также трансфере в нее новой языковой информации и новых языковых явлений, приобретает новые черты, не свойственные как «европейским» языкам-донорам, так и австронезийским языкам коренного населения Вануату.

Перейдем теперь к анализу основных паттернов и конструкций морфологии и синтаксиса данного языка. Как мы уже упоминали выше, несмотря на некоторую схожесть языковых организмов английского, французского и океанийских языков, в бислама они эволюционируют в принципиально новое образование. Прежде всего, утрачивается падежное именное словоизменение [7], и так находившееся в реликтовом виде в современном английском языке и практически отсутствующее в современном французском (за исключением ряда местоимений по типу *je – moi*, *tu – toi*). Падежные функции начинают исполняться многочисленными предлогами, т.е. приобретается один из показателей аналитизма, о чем мы уже говорили выше [7]. Поссесивность начинает выражаться не с помощью особых генетивных или поссесивных форм, как в ряде других языков, а при помощи предлога *blong*, который исторически восходит к английскому глаголу *to belong* [7], одним из значений которого является принадлежность [7]. М. Т. Дьячок (К фактическому материалу этой работы здесь и в дальнейшем мы будем постоянно обращаться, поскольку она представляет собой уникальное систематизированное описание языка бислама, сделанное на русском языке. В известной монографии М. В. Дьячкова [6] в группе креольских языков с англоязычной основой бислама подробно не описывается, хотя упоминание о нем есть при перечислении англокреольских языков Океании [6, с. 12]. М. В. Дьячков обозначает этот язык как «пислама» [6, с. 12]) и приводит такой пример поссесивной конструкции в бислама:

pikinini blong tija 'ребенок учителя' [7].

Таким образом, мы можем дать следующую модель поссесивной конструкции в бислама, которая, опять же, подчеркивает аналитизм строя этого языка:

possessive + prep.poss. + possessor.

Следует отметить тот факт, что поссесив в бислама всегда стоит перед поссесором. Таким об-

разом, здесь вступает в действие уже порядок слов, т.е., явное проявление аналитизма в морфологии.

Имена в бислама не имеют категории рода, класса и т.п. [7]. Однако они обладают категорией числа [7], которая образуется еще более унифицированным способом, если сравнивать таковой со способом образования множественности в английском и французском языке. В бислама способ образования категории множественного числа универсален и выполняется при помощи присоединения частицы (фактически, пренауна) *ol* к имени: *map* 'человек' – *ol map* 'люди' [7]. Возможно, данный пренаун восходит к английскому местоимению *all* с собирательным значением [6, с. 50]. Следует также отметить, что концептуальная семантика множественного числа в креольских языках заметно отличается от аналогичной семантики европейских языков (при том, что данный тип семантики может не отображаться на уровне формы) и близок, скорее, к семантическим типам языков коренного населения Западной Африки и Океании [6, с. 51].

Имя прилагательное в бислама может выполнять и атрибутивную, и предикативную функции [7]. Предикативная функция образуется при помощи простой постпозиции корня имени прилагательного после основной лексемы, атрибутивная форма прилагательного образуется при помощи особого суффикса [7]. Определение предшествует определяемому [7].

Как видим, тот факт, что имена прилагательные в бислама могут выполнять функцию предиката, может свидетельствовать о том, что данный язык в плане континентальной типологии может пойти к развитию и наращиванию импликаций активного строя, в отличие от в целом нейтральной системы ролевого и морфологического кодирования, которая его характеризует сейчас.

Глагол в бислама в отличие от европейских языков, послуживших основой для его формирования, не изменяется по лицам и числам [7]. Лицо и число глагольного предиката выражается при помощи местоимений, ставящихся перед ним. Различаются переходные и непереходные глаголы [7]. Имеются многочисленные частицы-превербы и поствербы, выражающие временное, аспектуальное и модальное значение [7]. Примечательно, что во многих случаях (например, преверб *bae* с футурально-модальным значением, постверб *finis* с перфективным аспектуальным значением [7]) бислама нерасчлененно выражает время и аспект, время и модальность. Категория наклонения как таковая отсутствует, однако успешно передается при помощи многочисленных модальных частиц и превербов.

Таким образом, на материале глагольной системы бислама мы можем подтвердить как выше упомянутый постулат Якобсона-Боаса, так и наблюдение В. А. Плуменяна о том, что наиболее важной глагольной категорией, которая не может

быть не выражена в языке, является категория вида и, шире, аспекта [12, с. 114–115], которая в бислама выражается синкретично, наряду со значениями темпоральности и модальности. Кроме того, мы можем наблюдать на материале бислама подтверждение выводов Б. А. Серебренникова об особенностях контактирования языков [13, с. 354]: в бислама в процесс трансфера включаются многочисленные слова, синтаксические паттерны и структуры, особенности управления как из европейских, так и океанийских языков, в то же время, например, лексическая, грамматическая и концептуальная семантика единиц в исходном языке (доноре, основе) в бислама трансформируется в иную.

Кроме того, интересным представляется объяснение некоторых особенностей глагольной системы бислама при помощи теории лексической аттракции [10, с. 10–12], а точнее, перенесения основных ее принципов на анализ грамматической семантики. В этом случае система глагола бислама образует многомерную конфигурацию [10, с. 33], в которой основными инвариантами [10, с. 34–35] будут аспектуальные и модальные значения, а переменными и вариационным полем [10, с. 35–36] будут уже являться темпоральные значения, зачастую выводимые из (прагматического) контекста.

Рассмотрев данные особенности гибридного креольского языка бислама, мы можем прийти к выводу о том, что трансфер информации и трансфер знаков при сложении системы этого языка протекал весьма своеобразно. С одной стороны, данный язык пошел по вектору развития в сторону еще большего наращивания анализа и практически полной утраты флексии. С другой стороны, в процессе эволюции этого языка в нем стали происходить процессы, не свойственные австронезийским языкам, принимавшим участие в его образовании. Еще следует заметить тот факт, что при большой сохранности австронезийских явлений в грамматике словарный фонд языка состоит практически полностью из лексем европейских языков, и лишь отдельные австронезийские лексемы употребляются для обозначения ряда понятий, неизвестных европейской культуре (т.н. варваризмы) [7]. Таким образом, поскольку язык бислама возник уже в историческое время и можно было наглядно наблюдать процессы его эволюции вплоть до появления своей литературной нормы, то факты этого языка могут дать не только много ценных наблюдений для собственно теории языкового трансфера, но и для теории гибридных и контактных языков, а также вообще для поиска ответов на некоторые общие вопросы и проблемы теории эволюции языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В. И., Сирк Ю. Австронезийские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 13–14.

2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа: пер. с нем., вступ. ст. и комм. О. А. Радченко. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
3. Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности: пер. с англ. Д. В. Сичинавы. М.: изд-во ЛКИ, 2009. 560 с.
4. Демьянков В. З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 61–85.
5. Дойчер Г. Сквозь зеркало языка: почему на других языках мир выглядит иначе: пер. с англ. Н. Ю. Жуковой. М.: изд-во АСТ, 2016. 382 с.
6. Дьячков М. В. Креольские языки. М.: Наука, 1987. 108 с.
7. Дьячок М. Т. Язык бислама и проблемы его формирования (социолингвистическая характеристика) // *Techne grammatike* (Искусство грамматики). Вып. 3. Новосибирск, 2008. URL: <http://philology.ru/linguistics4/dyachok-08.htm> (дата обращения 01.12.18).
8. Жирмунский В. М. История немецкого языка. Изд. 5-е, пересм. и испр. М.: Высшая школа, 1965. 408 с.
9. Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 528 с. (сер. «Разумное поведение и язык»).
10. Маковский М. М. Теория лексической аттракции (опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). М.: Наука, гл. редакция вост. литературы, 1971. 252 с.
11. Пейрос И. И. Сино-тибетские и австро-тайские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1982. С. 168–185.
12. Плунгян В. А. Почему языки такие разные: популярная лингвистика. М.: Русистика, 2017. 272 с.
13. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике / предисл. К. Г. Красухина. Изд. 2-е, стереотип. М.: КомКнига, 2005. 376 с.
14. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / отв. ред. В. М. Солнцев. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 248 с.
15. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 392 с. (сер. «Разумное поведение и язык»).
16. Шишигин К. А. Гибридизация языков: глагольно-префиксальная система идиша. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 208 с.
17. Charpentier J.-M. Le pidgin bislama(n) et le multilinguisme aux Nouvelles-Hébrides. Paris: SELAF, Peeters Publishers, 1979. 416 p.
18. Crowley T. Bislama reference grammar. Honolulu: University of Hawaii Press, 2004. 205 p.
19. Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. The Hague – New York – Paris: Mouton Publisher, 1979. 160 p.

Поступила в редакцию 08.12.2018 г.

**HYBRIDIZATION OF LANGUAGE AS A FORM OF THE LINGUISTIC-
CULTURAL TRANSFER: A COGNITIVE ANALYSIS OF FORM
AND FUNCTION CHANGES OF LINGUISTIC UNITS
(ON THE EXAMPLE OF BISLAMA LANGUAGE)**

© S. S. Kalinin

*Kemerovo State University
6 Krasnaya Street, 650000 Kemerovo, Russia.*

*Phone: +7 (384) 258 27 45.
Email: rage_of_gods@inbox.ru*

This paper is a case-study of Bislama language – one of the English-based Creole languages of the Pacific. The aim of this work is to describe and to show on some examples the processes of changes of form and function during the hybridization. Bislama is spoken on Vanuatu islands. It is one of the official languages of Vanuatu Republic. There is a Bible translation in Bislama; this language got its place in Internet. There is a number of fictional works in Bislama. Now Bislama has its recognition in the middle and high school teaching practice. Bislama got its vocabulary from English and French, although its grammar is mostly Austronesian. The author assumes that the source language that had part in evolution of Bislama was English, as well as that the recipient languages (substratum languages) were French and some Austronesian (Oceanic) languages. The main peculiarities of Bislama phonetics and grammar were described in this work in terms of the transfer theory. As a main tool of linguistic analysis, the author used the methods and ideas of contemporary constructions grammar (CxG). The main patterns, constructions and structures of all the levels of Bislama were described. The author assumes that the patterns in language are more abstract units than the constructions. The constructions are specific units of language system; they are representation of patterns in given language material. The author used some ideas of the lexical attraction theory and expanded its methods and principles on the field of grammatical semantics (in such way this expanding of the theory can be marked as “semantic-grammatical attraction theory”).

Keywords: Bislama language, Austronesian languages, Oceanic languages, hybridization, creolization, English-based Creole languages, sign transfer, information transfer, constructions grammar, lexical and grammatical attraction theory.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Belikov V. I., Sirk Yu. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Ed. V. N. Yartseva. Moscow: Sovet-skaya entsiklopediya, 1990. Pp. 13–14.
2. Vaisgerber I. L. Rodnoi yazyk i formirovaniye dukha: per. s nem., vstup. st. i komm. O. A. Radchenko. 3 ed. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009.
3. Dal' E. Vozniknoveniye i sokhraneniye yazykovoi slozhnosti: per. s angl D. V. Sichinavy. Moscow: izd-vo LKI, 2009.
4. Dem'yankov V. Z. Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii: kollektivnaya monografiya. Ed. V. V. Feshchenko. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2016. Pp. 61–85.
5. Doicher G. Skvoz' zerkalo yazyka: pochemu na drugikh yazykakh mir vyglyadit inache: per. s angl. N. Yu. Zhukovoi. Moscow: izd-vo AST, 2016.
6. D'yachkov M. V. Kreol'skie yazyki. Moscow: Nauka, 1987.
7. D'yachok M. T. Tekhne grammatike (Iskusstvo grammatiki). No. 3. Novosibirsk, 2008. URL: <http://philology.ru/linguistics4/dyachok-08.htm> (data obrashcheniya 01.12.18).
8. Zhirmunskii V. M. Istoriya nemetskogo yazyka. 5 ed. peresm. i ispr. Moscow: Vysshaya shkola, 1965.
9. Koshelev A. D. Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoi teorii yazyka. Moscow: Izdatel'skii dom YaSK, 2017. 528 pp. (ser. «Razumnoe povedeniye i yazyk»).
10. Makovskii M. M. Teoriya leksicheskoi attraksii (opyt funktsional'noi tipologii leksiko-semanticheskikh sistem). Moscow: Nauka, gl. redaktsiya vost. literatury, 1971.
11. Peiros I. I. Sravnitel'no-istoricheskoe izucheniye yazykov raznykh semei. Zadachi i perspektivy. Ed. N. Z. Gadzhieva. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 168–185.
12. Plungyan V. A. Pochemu yazyki takie raznye: populyarnaya lingvistika. Moscow: Rusistika, 2017.
13. Serebrennikov B. A. Veroyatnostnye obosnovaniya v komparativistike / predisl. K. G. Krasukhina. 2 ed. stereotip. Moscow: KomKniga, 2005.

14. Serebrennikov B. A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i myshlenie. Ed. V. M. Solntsev. 2 ed. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2010.
15. Skrebtsova T. G. Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody. Moscow: Izdatel'skii dom YaSK, 2018. 392 pp. (ser. «Razumnoe povedenie i yazyk»).
16. Shishigin K. A. Gibridizatsiya yazykov: glagol'no-prefiksai'naya sistema idisha. Moscow: FLINTA: Nauka, 2016.
17. Charpentier J.-M. Le pidgin bislama(n) et le multilinguisme aux Nouvelles-Hébrides. Paris: SELAF, Peeters Publishers, 1979.
18. Crowley T. Bislama reference grammar. Honolulu: University of Hawaii Press, 2004.
19. Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. The Hague – New York – Paris: Mouton Publisher, 1979.

Received 08.12.2018.